

**Илья Верховский
(Эли Бородэрл)**

**ПОЭМА О КОТЕ
(Сорочьи Строчки)**

Мифическое издательство ГАЙАВАТА
ХАНТЫ-МАНСИЙСК
2009 год

ПОЭМА О КОТЕ	3
<i>ПРОЛОГ. Отвори потихоньку калитку...</i>	3
<i>Египетские ночи</i>	4
<i>Гномы поют</i>	5
<i>Возвращение к вечному Норду</i>	6
<i>Муксунье</i>	8
<i>Тёмная метафизика рынка</i>	9
<i>ЭПИЛОГ. Памяти Елены Гуро</i>	10
СОРОЧЬИ СТРОЧКИ	11
<i>Одуванчиковый кофе</i>	11
<i>Седина</i>	12
<i>Перьев Времени хоровод</i>	13
<i>Последний лес осени</i>	15
<i>Стойкий оловянный Щелкунчик</i>	16
<i>Ночные уроки</i>	17
<i>Памяти Ренаты Мухи</i>	18
<i>Зелёные лапы Родины</i>	19
<i>Я-это биография</i>	20
<i>Предчувствие листопада</i>	21
<i>Осень</i>	21
<i>Зимнее прозрачное</i>	22
<i>Песенка снежинки</i>	23
<i>Кеглевич</i>	24
<i>Свердловское (собака памяти)</i>	25
<i>Баллада о телевизионном хомячке</i>	26
<i>Зачем поэты в тёмные времена?</i>	28
<i>Слёзы сорочьих берёз</i>	29
<i>Тайна капель</i>	30
<i>Зимний дождик</i>	31
<i>Ворона по имени Пингвин</i>	32
<i>Крокодил Крок и мартышка Марта</i>	33
<i>Вальсингам, вина!</i>	34
<i>Белый декабрь (Ханука)</i>	35
<i>Эли Лукойе</i>	36
<i>800 братьев Грамм</i>	37
<i>Небо с болью</i>	38
<i>Ветерковый Новый Год</i>	39

ПОЭМА О КОТЕ

ПРОЛОГ. Отвори потихоньку калитку...

-Уауууу! – поют заунывно лайки

На мелодию «Тум-балалайки».

-Стрррр-стрррр! – кричат на берёзах сороки,

Учат вечернего Неба уроки.

Вы мне нравитесь, птицы и звери!

Я вам отчего-то верю!

Ещё я верю травам и улитке.

Я - скрип калитки.

Египетские ночи

Ночь. Гибралтар. Норд–Ост.

У кота - хвост.

И – своя хитрая баркентина -
Плетёная из ивы корзина.

Кот

Плывёт.

Его ждёт –

Египет-

Африки параллелипипед.

Кот вспоминает –

Хозяйка, бабушка Дуся

Иногда чесала ему за ушами

И называла: Муся.

А теперь он в корзине,

и – в египетские страны.

Брэйшис, Шмойс...

Странно.

Потом кот заснул

И ему снился Тиль Уленшпигл

В короне сибирских сосновых игл.

Он по-хасидски плясал и пел:

«Время звенеть бокалами!».

И кот улыбался. Мало ли

Что мы сами думаем о тебе и обо мне?

Ведь главное – то, что происходит с нами во сне!

Сон был хорош.

Мир был хорош.

С неба звёздный смеялся ёж.

Гномы поют

Африка снилась. Скажите на милость!
И смеётся взъерошенный готтентот
Есть в Египте бог Тот, да не тот.
А мы идём с его другом бушменом,
Котиком, коровкой, ведёрком и безменом
Куда? Продавать морковку на рынок
И молока россыпь снежных крынок
И не плачьте: "Ох уж эта рыночная экономика..."
Потому что у дороги стоят два гномика
Один в оранжевой шапке,
Другой верхом на лошадке.
Они улыбаются, как чеширский медвежонок
Спросонок.
И тихо поют всем:
"Гит моргн, бриделах-швестерлах, а гит йор!".
(Преодолеть, уважаемые коллеги, пространство и
простор!)
С Небом ведут разговор.

Гит моргн, бриделах-швестерлах, а гит йор! (идиш) – Доброго утра, братики-сестрёнки, хорошего года!

Возвращение к вечному Норду

Кот был бегемот
Нет, не булгаковский
Всяковский
Не набоковский
Самсобоковский
Не левиафан
Не обезьян
Он был невестественник
И путешественник
Был вокзал
И никто ему ничего не сказал
Но не было купэ
И чихэ и сопэ и хрипэ
И не было плацкарт
Был март
Кот задумчиво почесал затылок
Горлышком одной из опустевших бутылок
И каааааак подпрыгнет!
Лапами каааааак дрыгнет!
И полетел
Как журавль
Как лягушка
Как весенняя усатая ромашка
На самый верх географических карт
Где Салехард
Я там жил.
Лаек шоколадкой кормил
Был голодный и свободный.

Лехаим, кот!
Водка - вот.
И свежий муксун - вот.
Радуй живот!

Лехаим! (идиш) – За жизнь! Будем живы! – традиционный еврейский тост.

Муксунье

И Вы бы, девушка-луна
Не стали кушать муксуна?

Он же хороший!

Он не трэф.

Он не пик.

У него есть юзерпик.

Он плывёт в реке Иртыш.

Ну-ка, зло из мира -

Кыш!

А над Иртышом уже под тридцать

Мороза дым и льдистый снежный плед

Попрятались все белки, рыбаки и птицы

И кажется, - живого в мире нет.

Лишь только белое безбрежное седое

Лицо зимы с тяжёлой голубою бородою.

Спят муксуны.

Им снятся сны.

Не бойтесь, - им не холодно совсем

Даже в минус тридцать пять

И в минус тридцать семь.

Ой! А давайте - мы приснимся им?

Бом? Бим!!!

Тёмная метафизика рынка

Старый рынок.

Продаёт молоко

Бабушка-лошадушка.

Да не лошадка скорей, а пони,

В клетчатой шерстяной попоне

Бабушка семечки - хрум-хрум.

Она полна тайн и дум.

Молоко ведь - это стихия

Хорива Щека и Кия.

Молоко - это плачущий снег,

Что тает в иной мир навек.

Молоко - это чёрный поезд наоборот,

Что улыбается у полночи ворот.

Зай гезунт, бабушка.

Зай гезунт, милая.

Молоко - это смерть на ежиных лапах.

Рассказ о детях и папах.

Зай гезунт! (идиш) – Будь здоров (а)! Также может означать «Прощай!».

ЭПИЛОГ. Памяти Елены Гуро

Котёночек, котёночек,-
Кто же тебя сюда забросил?
Поматросил, ухолодноносил.
Ким ци мир, котэню!
Ким ци мир, муркеню!
Я тебе молочка дам.
Никогда больше не умрёшь.

Ким ци мир, котэню! Ким ци мир, муркеню! (идиш) – Иди ко мне, котинька! Иди ко мне, мурлыка!

СОРОЧЬИ СТРОЧКИ

Одуванчиковый кофе

Турецкий,
Горячий,
Головокружительный кофе.
Белый свет, неудержимодвигающийся
К катастрофе.
Забытые беличьи сны
В дупле старой сосны,
И удивлённоглазый одуванчик.
Доверчиво оглядывающий мир,
В котором он отменил зло.

Седина

Были у синицы
Седые ресницы.
Была у ежа –
Седая душа.
Было чёрно-белое полотенце
Тоски.
Рождались младенцы.
У младенцев были седые виски.
Седой олень
Пел севера одну протяжную ноту
Бродил по болоту
Искал притаившийся седой мох.
А с неба глядел на мир и что-то шептал –
Седой Бог.

Перьев Времени хоровод

Человеку по имени Карманное Море

Год прошуршал.
Ещё один год.
Так птицы роняют перья с крыла,
Пролетая над осенним озером
Несбывшегося
Неприснившегося
Несочинившегося.
Перья летят и летят,
А уже наступила зима
И мы говорим - это снег.
Жмуримся наугад
Глядим на синичьи дома,
Как когда-то Хорив и Щек.
А синицы подняли гам -
Ой! А там -
Ручьями карманного моря
По улицам пляшет весна
Вот те на!
И вместо синиц - стали зяблики.
А перья, долетев до земли
Превратились
В диковинные кораблики,
Что на всех парусах
Плывут,
Презрев покой и уют
К запредельно лучистому свету.
К лету.

А там - лесная поляна.
На ней - танцуют ежи и бурундуки
Светлы, задумчивы и легки.
Посредине поляны - мерцающий циферблат,
На нём стрелки бегут
В страну Брахмапут,
И - с берёз уже листья летят
Золотиночьим зазеркальем
В безвозвратный осени сад.
А я почему-то рад.
Год прошуршал.
Ещё один год.
Страшного - ничего.
Странное волшебство.
Времени хоровод.

Последний лес осени

Вечер. Вечности ветка. Ветер вверху ворчит.
Небо солнечным снеговиком осени наклонилось к
краю мира
Одинокий манси, а, может, индеец шауни,
А может - всё в одном по имени Эли Бородэрл
Осторожно ступает по сухим иглам холмов
Входит в кедровое урочище.
Тишиной открывается Дом.
Чу! Белка щёлкнула хвостом
Сттттррррак! Сороки запели нигун
Вдруг – глаза! Из-за старой сосны.
Это – собака. Она, как и я –
Бродяга лесных подворотен.
Мы идём вместе
Слушаем
Как лапы ладоней игл кедровых сосен
Шелестят ветру, небу,
Собаке и человеку
Белкам и сорокам:
Времени больше нет
Мира больше нет.
Есть лишь вечный дом
Пронзительный лес
Уходящей в никуда
Осени....

Стойкий оловянный Щелкунчик

-скажи нам, маленький оловянный солдатик,
почему у тебя ружьё, за что ты воюешь, и с кем?
-я стою на посту у дверей, за которыми спит мой
братик,
чтобы не проникла в его сны злая чёрно-серая темь.
чтобы не пробрались в его сны злые чёрно-серые крысы
и не изгрызли наш мерцающий дом из солнечных,
лунных и звёздных лучей.
чтоб не сделали его грязно-пепельно серым - от
крыльца и до крыши.
и чтобы не был весь мир
брошенный,
грязный,
ничей.

Ночные уроки

Ночное урочище.

Вселенная кедровых лап.

То медленно чертящих в воздухе

Свои загадочные письмена,

То задумчиво машущих небу, траве и звёздам:

«Добрых времён!»),

То тянущихся сверху вниз к твоей макушке,

Чтобы погладить тебя по голове,

Как сына.

Вселенная кедровых лап.

Ночное урочище.

Я запомнил ваши уроки.

Памяти Ренаты Мухи

Когда человек становится старше – он на странном
времени марше,
Когда человек начинает любить тишину – он
улыбается миру как доброму сну,
Когда человек становится грустнее – печальна звёзд
королевна
и он вместе с нею,
Когда человек начинает курить папиросы – он своему
прошлому задаёт никем не слышимые вопросы,
Когда человек становится молчаливым – он
рассказывает сказки берёзам и ивам,
Когда человек начинает утро с улыбки – к нему
плывут синего неба лучистые рыбки,
Когда человек становится самодовольнее и важнее –
он свинеет.

Зелёные лапы Родины

Где бы я ни был, как бы мне не было плохо, как бы не старалось утопить мою душу в своём бездонном омуте чёрное отчаянье мира – меня всегда бережно держали зелёные лапы Родины.
Кедровые, сосновые, пихтовые.

Я-это биография

Я прогуливался поздним вечером по Стоунхэнджу в конце улицы Чехова.

Я пил пиво с томатным соком по индейскому рецепту Чарльза Буковски.

Я удивлялся, почему, играя на гитаре, испытывал боль в третьем пальце левой руки, пока не вспомнил, что утром из него брали кровь.

Я сочинил песню про героя Киплинга и Красный Цветок: "Маугли, Маугли, не садись ты на угли".

Я месяц был с сыном на море, выл от жары, пил в лавчонках вино, и оно оставалось сухим.

Я видел на полу - трёх загадочных чёрных жуков размером с половинку грецкого ореха.

Я стал толст; подо мной трещит мира холст.

Я, заметив разноцветную бабочку, потом часто вспоминаю её и мне хорошо долго о ней думать.

Я - последняя буква в алефбейсе.

Предчувствие листопада

Светят красными шарами ягоды рябины.
Ветер. Вечер. Лужи. Небо. Я гуляю с сыном.
Воробьишек на асфальте – девять или восемь?
Еле слышными шагами к нам приходит осень.

Осень

Я очень люблю осень.
Больше, чем лето.
Раз в восемь!

Зимнее прозрачное

Лишь кто поёт когда морозы -
Аэа!...Вэао, берёзы!
Тот бородою странничной
Чуть прячет замок пряничный
И не бежит, а тихо и прозрачно
По миру ходит
В себе сам хороводит
Песен звёздных
Тихих, негрозных
Сплетает венок.
Никто не одинок.

Песенка снежинки

Снежинка снежинка
Неба пушинка
Звёздная птица
Неба сестрица
Диковинный зверь
Стучит людям в дверь:
-Тук-тук-тук!
Я Ваш друг
У меня шесть лапок
Без перчаток и тапок
Я не мёрзну зимой
Я зимы дочь!
Ой!
Кончается ночь.
Ну-ка, дети, вставайте!
От удивления и радости рты разевайте!
Вот подарок для вас, засонь -
Снежинка, летящая на ладонь...

Кеглевич

На золотом крыльце сидели -
А когда мы с тобой последний раз пели?
Царь, царевич, король, королевич,
Никогда не пейте водки Кеглевич!
Сапожник, портной –
Кто ты будешь такой?
А в парке звёзды, сирень и покой.
Говори поскорей,
Не задерживай
Добрых и честных людей...
*Мама, а мышка, которую съела наша кошка – тоже
еврей?*

Свердловское (собака памяти)

Придорожные столбы с фонарями
И столбики с фонарятами
Старые дома с черепичными крышами
И домики с крышатами
Голубятни во дворах на Белинского
И никакого Клинского
Плотина Плотина
И Плотинка Платона
Две полбутылки ПАТРЫ и полбатона
Давно закрытая пончиковая на Свердлова ближе к
вокзалу
И улица испанских рабочих, сменивших мечи на
оралы
Из глубин память собакой на сене
В зеркале сама себе подвывает
Сама себе заглядывает в глаза
И полувопросительно лает...

Баллада о телевизионном хомячке

В воскресенье у нас были выборы –
Глав нескольких городов и районов.
И вечером меня пригласили в телепрограмму
Как эксперта–политолога -
Прокомментировать явку и ход голосования
В прямом эфире.
Я прокомментировал.
Но, когда я вышел из студии
И пошёл по четвёртому этажу –
Решил зайти в туалет,
Потому что выпил до этого две чашки чаю.
И когда я открыл дверь в эту
Комнату для раздумий о смысле жизни –
Я увидел
Весёлого белого хомячка!
Да-да!
Настоящего белого хомячка!
А, может быть, крысёнка.
У него был укороченный хвост,
Белая спинка, красноватый любопытный носишка,
Которым он всё время нюхал воздух,
И лапки – как у крошечной обезьянки.
Сначала он выбежал ко мне – познакомиться.
Покружился вокруг раковины,
Смешно переваливаясь с боку на бок,
Потом убежал в соседнюю комнату.
И спрятался за мусорной корзиной.
Мы поиграли с ним в прятки.

Потом он помахал мне лапкой,
Улыбнулся
И убежал в свой неведомый дом
Через дырку в стене.
Он был будто мой брат.
Я сказал ему: «Счастливо!»
И ушёл.

....

Вот все говорят – телевидение, телевидение.
А в нём – между прочим,
Живут весёлые хомячки.

Зачем поэты в тёмные времена?

Спросили меня о стихах и сказках:

-Ты литератор?

Я ответил:

-Нет.

-Писатель?

-Нет.

-А кто?

-Сказочник, поэт.

Сочинитель. Рассказыватель волшебных историй.

Которые уже случились или случатся вскоре.

-Переводчик?

-Нет, перемурлыкиватель. Стихов и песен на идиш.

Как, собственно, сам и видишь.

-То есть ты, что – вне литературы?

-Да. Но это, по-моему, очень хорошо.

-Вне великой книжной культуры? Но это... – культурный шок!

-Нет. Я книжную культуру принимаю.

Но сам - в облаках лесов и сорочьих берёзовых парков летаю...

Как странная бородатая и очкастая птица,

Что миру дивится.

Слёзы сорочьих берёз

У сороки – белое платье
С чёрным оторочьем.
У сороки дом - на берёзе,
Потому что они с нею - сёстры.
У берёзы тоже белое платье
С чёрными пятнышками,
И такие же грустные глаза,
Как у сороки.
И когда сорока и берёза плачут
(оттого что слишком много в мире
чёрного оторочья)–
Разноцветные бусины слёз
Падают берёзе на ветки.
Люди зовут их «гирлянды»
И радуются Новому Году.
Им невдомёк, что это -
Слёзы сорочьих берёз...

Тайна капель

Идёт дождь.

И каждый -

Неведомых племён вождь.

Зимний дождик

Снегири -
Капли взъерошенного неба
На белом снегу.

Ворона по имени Пингвин

Я купил сыну игрушечную Ворону по имени
Пингвин.

Весёлая взъерошенная птица с красным клювом и
удивлёнными глазами -

Прыгает по комнате, размахивает крыльями в разные
стороны,

Каркает, хохочет, поёт свои странные заснеженные
песни.

Наверное, у них в Антарктиде есть своя игрушечная
птичья школа,

Где их учат экстатическим песням, пляскам и
непонятым никому ритуалам.

Маленький комок цветного синтепона – живое
послание с обратной стороны мира.

Я купил сыну игрушечную Ворону по имени
Пингвин.

Крокодил Крок и мартышка Марта

Жила-была мартышка Марта,
Что родилась Восьмого марта.

И крокодил по кличке Крок,
Что слушал клезмер и блюз-рок.

И Крок, когда бывал в ударе -
Играл мартышке на гитаре.

А Марта пела и плясала.
И всё. Теперь - читай сначала...

Вальсингам, вина!

Седина - это наша

Неизбывная вина

За то,

Что

Не знает никто.

Вальсингам, вина!

Белый декабрь (Ханука)

Праздники-праздники...

Экие вы свинухи-безобразники!

Мороз - как треснет в нос!

Снег - как забьётся между век!

И снегири попрятались в дом,

И воробьи попрятались в дом,

И синицы попрятались в дом.

А дом у них - под крылом.

Лишь человеке без ужина

Дышит дымом простуженно.

Нет у него крыла.

Нет и второго.

А фрейлэхн йомтэв Хонэке!

Будьте ж все мне здоровы.

А фрейлэхн йомтэв Хонэке! (идиш) – Весёлого праздника Ханука!

Эли Лукойе

Я никогда не собирал в детстве марки.

Я любил придумывать и дарить хорошим людям диковинные подарки.

И вот я пришёл.

Выкладываю на стол.

Первое. НЕВИДИМОГО РУЧНОГО БУРУНДУЧКА!

Чтоб ваша жизнь была пушиста, востроглаза, светла.

И легка.

Второе. НЕВИДИМЫЙ АПЕЛЬСИНОВЫЙ
МАНДАРИН!

Чтоб носить его на счастье и радость маме - в левом кармане,

(а в правом будет жить карманный Александр

Степанович Грин).

Вот. Это, *зайт мир мойхл*, всё. Или - как говорят - ... и всё такое.

Я ухожу. До свидания.

Эли Лукойе.

Зайт мир мойхл (идиши) – Будьте мне прощены, простите, извините.

800 братьев Грамм

Братья Гримм

Ходили в гости

К братьям Грамм.

Грызли бараньи кости.

Кричали - Бимм! Бамм!

Танцевали, припадая на левую ногу

Выпивали лимонно-коричного грогу

Восемьсот грамм.

Небо с болью

Я очень люблю прозрачную воду из синего ковшика
и кусочек чёрного хлеба с солью.

Это чем-то похоже на сквозняковую свободу
воробья-бомжика
и осеннее небо с болью.

Ветерковый Новый Год

Ветер гонит тучи листьев с жёлтых крыш

Ветер весело хохочет и поёт:

"Эй! Всё зло и горе - ну-ка... Кыш!

Нынче - праздник! Ветерковый! Новый! Год!!!"